

Он сглотнул. Из-за сумбура в голове он не решался взглянуть Цзао Циню в глаза.

Думать о подобном в его присутствии казалось настоящим кощунством — даже несмотря на то, что всё происходило наяву.

— Я никому не скажу, — тихо произнес Сун Чэн, пытаясь его успокоить.

Его взгляд против воли скользнул к губам юноши. Цзао Цинь имел привычку терзать свою нижнюю губу: когда он задумывался, его белоснежные зубы аккуратно прикусывали и медленно приминали нежную плоть.

— Ох, — только и вымолвил Цзао Цинь.

Было невыносимо неловко от мысли, что кто-то знает о его принадлежности к Клану крови. Казалось, будто с него сорвали всю одежду и выставили на всеобщее обозрение.

Система подала голос:

[... И тебе просто неловко?]

Цзао Цинь мысленно спросил в замешательстве:

«А что в этом такого?»

Он предположил, что это какой-то особый навык игрока — ведь как иначе Сун Чэн мог пронюхать о его принадлежности к Клану крови?

Сам-то Цзао Цинь держался безупречно: ни единым жестом, ни единым словом не выдал своей сути. Никто не мог просто так его раскусить.

Юноша согласно кивнул собственным мыслям. Точно, так и есть.

На лестнице показались еще несколько студентов. Судя по всему, проверка подходила к концу.

Цзао Циню совсем не улыбалось снова пересекаться с охотниками на вампиров. Он уцепился за край пиджака Сун Чэна и, подняв на него глаза, поторопился:

— Пойдем скорее в столовую.

Они уже почти дошли. По пути Цзао Цинь мирно расспрашивал Сун Чэна о здешних коридорах.

Внезапно его бесцеремонно пихнули, и тяжелая, сильная рука по-хозяйски легла ему на плечо. Сун Чэн никогда бы так не поступил.

Вскинув голову, Цзао Цинь наткнулся взглядом на ухмыляющуюся, дерзкую физиономию Цинь Цзышуаю.

— Цинь Цзышуай! — воскликнул Цзао Цинь. Голос его невольно взлетел на полтона вверх, отчего прозвучал на удивление радостно.

Увидев, как при его появлении вспыхнули глаза юноши, Цинь Цзышуай почувствовал, как по телу разливается сладостная истома. Он довольно прищурился:

— М-м, как же сладко звучит моё имя из твоих уст.

Цзао Цинь вспыхнул до корней волос — лицо так и обдало жаром. Этот парень умел как мгновенно поднять ему настроение, так и до смерти смутить.

Юноша сердито сбросил его руку со своего плеча, закатил глаза и прибавил шагу, всем видом показывая, что обиделся.

У Цинь Цзышуаю будто зависимость какая-то была: он обожал доводить Цзао Циня, чтобы потом самому же заискивающе перед ним извиняться. Мазохизм чистой воды, но процесс примирения доставлял ему ни с чем не сравнимое, острое удовольствие.

— Циньцин! — Цинь Цзышуай в два широких шага догнал его.

— Цзао Цинь, — одновременно с ним раздался другой голос.

Оба позвали его в один голос.

Цзао Цинь растерянно посмотрел на запыхавшегося Цинь Цзышуаю и лишь затем обернулся. Увлечшись болтовней, он совсем позабыл, что Сун Чэн отстал от них на несколько метров.

Сун Чэн мрачно хмурился, его тонкие губы сжались в холодную линию. Стоило Цзао Циню обернуться, как он тут же подошел ближе, перехватил его свободную руку и потянул за собой.

Но другую руку юноши всё ещё крепко держал Цинь Цзышуай.

Заметив, как пальцы Цзао Циня исчезли в ладони соперника, Цинь Цзышуай мгновенно закипел.

— Какого черта ты творишь?! — рявкнул он.

Лицо Сун Чэна оставалось бесстрастным, однако во взгляде, брошенном на соперника, сквозило ядовитое пренебрежение. Проигнорировав выпад, он обратился напрямую к Цзао Циню:

— Пойдем.

Цзао Цинь приоткрыл рот, совершенно растерявшись.

Проходившие мимо студенты стали оборачиваться и замедлять шаг, предвкушая зрелище. Уши юноши тут же залил густой румянец.

«Да что они устраивают?»

— Отпусти его, — Цинь Цзышуай шагнул вперед, уставившись на противника диким, по-волчьи яростным взглядом своих темно-зеленых глаз. Он перехватил тонкое запястье Цзао Циня — бережно, боясь причинить боль, — и замер, выжидая, когда Сун Чэн ослабит хватку.

Оказавшись зажатым между двумя парнями, Цзао Цинь не мог сдвинуться с места, пока его руки оставались в плену.

Он стоял, опустив голову, чувствуя, как от неловкости немеет всё тело. Под прицелом любопытных взглядов ему хотелось сквозь землю провалиться.

Сун Чэн смерил соперника насмешливым взглядом и слегка нахмурился:

— Я держу за руку своего парня. У тебя с этим какие-то проблемы?

— Твоего... парня? — Цинь Цзышуай опешил, удивленно вскинув брови, но тут же издевательски хмыкнул, обнажив острые клыки. — Слышь, приятель, тебе до темноты еще далеко, а у тебя уже влажные сны начались?

Он отдельно, весомо добавил:

— Или до тебя туго доходит? Мы с Циньцинем встречаемся. Не заметно?

Сун Чэн даже бровью не повел. Всем своим видом он показывал, что считает слова соперника

жалкой ложью, а его самого — глупым шутом.

Цинь Цзышуай раздраженно мотнул головой, но стоило ему перевести взгляд на Цзао Циня, как его лицо мгновенно смягчилось:

— Циньцин, ну же, скажи ему.

Внимание зевак тут же переключилось на Цзао Циня. Тот окончательно запутался в этой нелепой сцене и лишь беспомощно кивнул:

— А... ну да.

Они действительно встречались — он ведь сам дал согласие.

Сун Чэн застыл. Он на секунду усомнился в собственном слухе:

— О чем ты?

Пользуясь его замешательством, Цинь Цзышуай осторожно высвободил ладонь Цзао Циня и крепко сжал её в своей.

— Это значит, что он — мой парень. Теперь дошло? — Получив подтверждение, он мгновенно воодушевился и пошел в атаку: — Да с какого перепугу ему быть твоим? Ты его вечно доводишь, а успокаивать мне приходится! Из-за тебя у него на ноге огромный синяк остался — кто ему мазь втирал? Кто его слезы вытирал, когда он плакал взахлеб? Ты вечно ходишь с такой кислой миной, будто тебе весь мир должен. Каким святым надо быть, чтобы терпеть твою физиономию?!

Цзао Цинь смущенно коснулся пылающей щеки.

«Да не такой уж там и синяк был... И вовсе я не плакал без остановки. Так, всхлипнул разок».

[Туда его!]

[Сун, псина ты эдакая, ты реально творил такое?! Всё, я против того, чтобы мой малыш с тобой общался!]

[А-а-а, так вот почему Циньцин так тебя боится!]

[У него уже щечки горят, он сейчас расплчется! Эй, зеленоглазый, полегче на поворотах!]

В столовую Цзао Цинь пришел с Сун Чэном, но обедать ему пришлось в компании Цинь Цзышуая.

Длинноногому Цинь Цзышуаю было тесно за крошечным столиком, и ему приходилось неловко поджимать колени. Он во все глаза смотрел, как Цзао Цинь аккуратно, крошечными кусочками отправляет еду в рот. Юноша ел так медленно и неторопливо, что Цинь Цзышуай успел бы дожидаться, пока тот закончит, и только потом приняться за свою порцию.

Этот сосредоточенный, слегка заторможенный вид делал его невероятно милым.

Сам же Цзао Цинь пребывал в глубоких раздумьях.

«Сун Чэн ведь не на шутку разозлился, верно? Станет ли он защищать меня после этого? Может, стоит пойти к нему вечером и извиниться?»

Вернувшись после обеда в комнату, он почувствовал себя ужасно неуютно — казалось, всё тело так и просило чистоты.

Чистоплотный до крайности, Цзао Цинь не стал терпеть. Едва переступив порог общежития, он скрылся в душевой, блаженно подставив плечи под струи горячей воды.

Прикрыв от удовольствия глаза, он потянулся за своим импортным гелем для душа, но обнаружил, что флакон пуст.

Сквозь густую пелену пара его бледная кожа поблескивала от влаги, а на длинных ресницах дрожали тяжелые капли. Озадаченный юноша несколько раз перевернул бутылочку, но из нее не выдавилось ни капли.

Тогда его взгляд невольно упал на полку с чужими вещами.

Не трогать чужие банные принадлежности — негласное правило любого приличного соседа.

Но чужие полные флаконы так манили к себе, словно дразня его. После секундных колебаний Цзао Цинь сдался.

В дверь негромко постучали.

Сквозь шум воды и пелену пара донесся глухой голос Цинь Цзышуая:

— Циньцин, всё в порядке? Ты там уже целую вечность сидишь.

— Уже заканчиваю, — отозвался Цзао Цинь.

Прикусив кончик языка, он вытянул из ряда чужих флаконов огромную белую бутылку Цинь Цзышуая. Такого объема хватило бы на целый год.

Он щедро распределил средство по телу, наслаждаясь приятным скольжением пены. От кожи исходил свежий, бодрящий аромат ментола.

Когда он наконец приоткрыл дверь душевой, то едва не подпрыгнул на месте. Цинь Цзышуай подпирал косяк и смотрел на него завороченным, совершенно глупым взглядом.

— Ты... почему так оделся? — выдавил он наконец.

Цзао Цинь лишь недоуменно моргнул. А как еще он должен был одеться?

На нем была натянута лишь безразмерная белая футболка. Она открывала изящные, хрупкие ключицы, а широкий вырез то и дело норовил сползти с плеча, обнажая белоснежную кожу. Из-под подола футболка, служившая ему подобием платья, открывала бесконечные стройные ноги.

Шорты он надеть позабыл — футболка и так закрывала почти всё.

У Цинь Цзышуая едва кровь носом не пошла от такого зрелища.

Цзао Цинь лениво промокал полотенцем влажные темные волосы, направляясь к своей кровати, а парень преследовал его по пятам, словно преданный пес. При такой духоте фен был не нужен — пряди высохнут сами за считанные минуты.

Остановившись у постели, Цзао Цинь удивленно взглянул на него:

— Чего тебе?

Цинь Цзышуай молчал, продолжая пожирать его глазами.

Цзао Цинь нахмурился:

— Опять приставать будешь?

В то же мгновение Цинь Цзышуай подался вперед. Уловив исходящее от распаренного тела тепло, он обхватил юношу за талию и увлек за собой на кровать.

— Как же вкусно пахнет... — выдохнул он.

Цзао Цинь на секунду смутился, заподозрив, что парень раскусил его маленькую кражу геля для душа. Но тут же мысленно возмутился: если они встречаются, то жалеть любимому человеку какую-то каплю геля — верх мелочности!

Конечно, Цинь Цзышуай всё понял. Да он только рад был!

Ему безумно нравилось, что Цзао Цинь теперь пахнет им. Словно этот запах заявлял права на юношу, связывая их воедино. Словно он теперь принадлежал ему целиком...

Хотя нет, Циньциню такие собственнические замашки не понравятся. Лучше сказать по-другому: это он сам теперь всецело принадлежал своему ненаглядному Циньциню.

— Циньцин, малыш... — ластился он, утыкаясь жесткой макушкой в шею юноши. Обжигая чувствительную бледную кожу горячим дыханием, он жадно вдыхал мятный аромат и без конца шептал: — Какой же ты сладкий.

От такой близости лицо Цзао Циня вспыхнуло. Он уперся тонкими пальцами в крепкую грудь парня, безуспешно пытаясь его отодвинуть. Короткие жесткие волосы нещадно кололи кожу.

— Пусти, колется! — недовольно пискнул он, едва сдерживая дрожь в голосе.

Цинь Цзышуай тут же отстранился, заглядывая ему в лицо:

— Где больно? Покажи.

Цзао Цинь отвернулся, слабо толкнув его в плечо:

— Иди к себе. Я спать хочу.

Смотря на него, Цинь Цзышуай мечтал лишь об одном — прижаться еще ближе.

— Давай я посплю с тобой. Мы же пара.

У Цзао Циня бешено заколотилось сердце. Он судорожно сжал в кулаке простыню, пытаясь справиться с нахлынувшей паникой.

На лице парня буквально читалось желание зайти гораздо дальше невинных объятий, и Цзао Цинь не на шутку испугался, что тот перейдет к решительным действиям.

Если бы на его месте был Сун Чэн, тот бы просто проигнорировал любые жалобы и сделал всё по-своему.

От этой мысли его лицо, еще недавно горевшее от смущения, слегка побледнело. Он упрямо мотнул головой:

— Нет. Ни за что.

Цинь Цзышуай растерянно моргнул и неохотно сел ровнее.

Отказ прозвучал на редкость категорично. Нахмуренные брови и отвернутое лицо юноши ясно давали понять: он действительно против.

— Ну почему ты не хочешь?.. — уныло протянул Цинь Цзышуай.

— Слишком быстро, — буркнул Цзао Цинь, не поднимая глаз и разглядывая широкую, сильную ладонь парня, которой тот упирался в матрас. — Мы только сегодня начали встречаться, а ты уже тащишь меня в постель.

Он пытался просто найти благовидный предлог, но чем дольше говорил, тем логичнее казались собственные слова. Внезапно в его голове созрела пугающая мысль.

Он вскинул голову и подозрительно прищурился:

— Ты со мной сошелся только ради этого?

В комнате повисла оглушительная тишина.

Цинь Цзышуай онемел от столь неожиданного обвинения, но быстро пришел в себя и замотал головой:

— Вовсе нет!

Однако эта секундная заминка лишь укрепила Цзао Циня в его подозрениях. Его глаза округлились:

— Всё с тобой ясно.

— Да нет же! Честное слово, нет! — в панике запричитал парень.

«Всё, пропал...» — пронеслось в его голове.

Цзао Цинь тем временем сидел повесив нос, точь-в-точь как обманутый и оскорбленный в лучших чувствах юноша. Он упорно молчал, погруженный в свои невеселые думы.

— Я и думать не смел о... ну, об этом! Я просто хотел побыть рядом, вдохнуть твой запах, — путаясь в словах и густо краснея, затараторил он. — Ну, знаешь, как в психологии: просишь о невозможном, чтобы получить хотя бы малую уступку. Я надеялся, что если предложу лечь вместе, ты разрешишь мне просто обнять тебя!

— Ты так хорошо ко мне относишься... — тихо пробормотал Цзао Цинь.

— Конечно, малыш, — тут же закивал Цинь Цзышуай.

— Только вот... — голосок юноши звучал на редкость кротко, но следующая фраза прозвучала как гром среди ясного неба. — Не на ком-то другом ты этот опыт набатывал, чтобы теперь на мне практиковаться?

Цинь Цзышуай почувствовал, как у него закипает мозг. Он ума не мог приложить, какими путями логика Цзао Циня умудрилась забрести в эти дебри.

А тот, смешно надув губы, продолжал свои изыскания:

— Лицом ты вышел, обходительный... Из тех парней, о которых в сети пишут «дамский угодник». Тебе уже столько лет, не верю, что у тебя никого не было. В студенческом совете состоишь, на спортивных соревнованиях призы брал... Странно, что про твои романы никто ничего не слышал.

Внезапно Цзао Цинь ахнул, округлив глаза от собственного озарения:

— О боже! Ты из тех, кто крутит романы на стороне? Слышал я про таких типов: держат при себе целый гарем для флирта, а сами притворяются свободными!

От этого тихого бормотания Цинь Цзышуай был готов завывать от бессилия. Его буквально разрывало на части. Он хотел возразить, но слова застревали в горле. И всё из-за одной дурацкой, слетевшей с языка шутки про совместный сон! А ведь он тогда действительно ничего пошлого не имел в виду — просто сморозил глупость под влиянием момента.

— Какая еще интрижка?! Кого я там держал?! — в отчаянии взмолился он, едва не плача от несправедливости обвинений.

За всю свою жизнь он ни разу ни к кому не испытывал даже мимолетной симпатии!

— Ну-ну... — протянул Цзао Цинь. Судя по его капризно надутым губам, он не поверил ни единому слову, продолжая мысленно приписывать парню самые немыслимые грехи.

Лицо Цинь Цзышуая пошло пунцовыми пятнами от отчаяния:

— Ты — моя первая любовь! Я в жизни никого, кроме тебя, не любил!

—...

— Не считай меня бабником, пожалуйста... — тихо, почти жалобно попросил парень.

<http://bllate.org/book/18271/1763098>